

С. Н. Булгаков

Чехов как мыслитель

Сергей Булгаков

Чехов как мыслитель

«Public Domain»

1904

Булгаков С. Н.

Чехов как мыслитель / С. Н. Булгаков — «Public Domain», 1904

«Уступая желанию студенческого кружка имени А. П. Чехова, я переиздаю настоящий очерк о Чехове, хотя форма изложения и развития основных его мыслей, в значительной мере случайная и приуроченная к публичной лекции, самого меня не вполне удовлетворяет. Однако частичными переделками обойтись здесь было бы нельзя, и потому я предпочитаю (кроме отдельных фраз) оставить текст в неизмененном виде. Добавлено вновь лишь об отношении Чехова к русской интеллигенции...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

С. Н. Булгаков

Чехов как мыслитель

Публичная лекция¹

От автора

Уступая желанию студенческого кружка имени А. П. Чехова, я переиздаю настоящий очерк о Чехове, хотя форма изложения и развития основных его мыслей, в значительной мере случайная и приуроченная к публичной лекции, самого меня не вполне удовлетворяет. Однако частичными переделками обойтись здесь было бы нельзя, и потому я предпочитаю (кроме отдельных фраз) оставить текст в неизмененном виде. Добавлено вновь лишь об отношении Чехова к русской интеллигенции.

20 октября 1910 года. Москва

* * *

Не без смущения приступаю я к речи о Чехове. Мне слишком ясно, насколько трудно сказать о нем что-нибудь, его достойное. Словом не передать всего очарования его поэзии, грустно задумчивой, как молчаливая русская даль, сумрачной, как осеннее русское небо, трепетной и нежной, как закат северного солнца, глубокой и чистой, как насторожившаяся летняя ночь. Долго лилась и звучала эта песня, рожденная русской стихией и русской природой, раздольная и унылая, песня о сером небе и о вольной дали, о постылой доле и неведомом счастье, песня, надрывающая душу тоской и заставляющая «трепетать от неизъяснимых предчувствий», и вдруг... оборвалась, и всю Россию ударила по сердцу скорбная весть. Едва ли мы сами вполне сознавали, насколько мы любили Чехова, насколько был дорог, нужен, близок нам почивший художник, – часто только смерть открывает глаза и заставляет дать полную оценку того, что потеряно. И пока потеря Чехова для нас, не закрывшаяся кровоточащая рана, невольно хочется еще и еще говорить о ней, останавливаться благодарной памятью на его художественном наследстве и делать новые попытки его осмыслить. Теперь, когда творчество Чехова имеется перед нами во внешне законченном виде, и мы уже не услышим вновь его голоса, для него настает суд потомства, а для русского общества трудная и ответственная задача дать возможно точную опись того, что поступает в его культурный инвентарь, в его художественную сокровищницу.

Я держусь того мнения, что духовный капитал, оставленный нам Чеховым в его произведениях, далеко еще не получил надлежащей оценки. Хотя значение Чехова как классика родного слова никем не оспаривается, однако в понимании общего смысла его литературной деятельности существует большая неясность и разногласия. В начале литературного поприща Чехову доставалось от современной критики за беспринципность, т. е. за то, что его литературная деятельность оставалась чужда всякому интеллигентскому «направлению» (известно, что подобными упреками грешил тогда даже покойный Михайловский²). В последнее время за Чеховым признано было «направление», ему выдано было свидетельство о литературной благонадежности, и «сия последняя лесть бысть горша первая»³. На этом основании литера-

² Имеются в виду статьи Н. К. Михайловского «Об отцах и детях и о г-не Чехове», «Кое-что о г-не Чехове» и др.

³ Слова первосвященников, обращенные к Пилату. В русском переводе: «Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи

турная деятельность Чехова в настоящее время обычно делится на два периода, из которых первый характеризуется отсутствием у него гражданских добродетелей, а второй их появлением. Однако при таком измерении Чехова аршином существующих направлений слишком мало задаются вопросом о том, в чем же состоит своеобразие собственной физиономии Чехова, вне этого более чем сомнительного деления на периоды. Нас поражает в этом отношении тот любопытный факт, что сам Чехов никогда не ставил хронологических дат на своих произведениях, их нет и в последнем полном собрании его сочинений. Мы усматриваем в этом во всяком случае ценный намек и указание на то, как мало значения придавал точной хронологии своих произведений сам автор, очевидно, не знавший никакого крутого поворота в направлении своей литературной деятельности⁴. И нам действительно она представляется единым целым, проникнутым одним общим мировоззрением: об основных чертах этого мировоззрения, насколько оно отразилось в произведениях Чехова, я и хочу повести сегодняшнюю беседу.

Определить эти черты представляется далеко не легкой задачей, благодаря тому, что излюбленная форма чеховского творчества есть сравнительно небольшой рассказ, следовательно, для этой цели нельзя ограничиться, как у многих других писателей, анализом нескольких основных произведений. У Чехова отсутствует такое *Standartwerk*⁵, потому остается один путь – попробовать получить, так сказать, мозаичскую картину, суммируя мысли и впечатления от большого количества произведений сравнительно мелких и внешне разрозненных.

Итак, внимание наше останавливает при этом как раз то, что и для самого художника представляется не только самым важным, нужным и серьезным в его литературной деятельности, но вместе с тем болезненным, мучительным, составляя предмет напряженных исканий, тревожных и часто безответных вопросов, обращаемых им к жизни и к самому себе. Мы подходим к Чехову со стороны общечеловеческой, обращаемся к нему не только как к художнику, одаренному божественным, но и опасным, могучим, но и ответственным даром искусства, а как к человеку, ответственному пред тем же великим и страшным судом совести, одержимому теми же муками, сомнениями и борениями, что и мы, и лишь особым, ему одному свойственным способом выражающему их в художественных образах. Это не значит, конечно, чтобы мы хотели умалить или оставить в тени их чисто художественное значение, но, останавливая внимание именно на том, что составляет святая святых в каждом человеке, будь он великий мастер или заурядный чернорабочий, на его мирозерцании, мы отдаем высшую дань благочестивого внимания духовному миру художника.

И тем не менее эта постановка вопроса, тема «Чехов как мыслитель» для многих, вероятно, звучит парадоксально. В устранение этой кажущейся парадоксальности я позволю себе сказать несколько слов и о задачах искусства вообще, насколько это необходимо в целях настоящего изложения.

Человеческая душа нераздельна, и запросы мыслящего духа остаются одни и те же и у ученого, и у философа, и у художника: и тот, и другой, и третий, если они действительно стоят на высоте своих задач, в равной степени и необходимо должны быть мыслящими людьми и каждый своим путем искать ответов на общечеловеческие вопросы, однажды предвечно поставленные и вновь постоянно ставящиеся человеческому духу. И все эти вопросы в своей совокупности складываются в одну всеобъемлющую загадку, в одну вековую думу, которую думает и отдельный человек, и совокупное человечество, в думу о себе самом, в загадку, фор-

в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого» (Мф. 27:63–64).

⁴ О негативном отношении Чехова ко многим моментам своего раннего творчества, отчасти совпадавшем с оценками критиков, говорят многие его письма, например, знаменитое письмо к Григоровичу от 28 марта 1886 г.: «Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так и я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, нимало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом... Писал и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, Бог знает почему, берег и тщательно прятал» (III, 218).

⁵ Основное произведение, «визитная карточка» писателя (*нем.*).

мулированную еще греческой мудростью: познай самого себя. Человек познает самого себя и во внешнем мире, и в философских учениях о добре и зле, и в изучении исторических судеб человечества. И все-таки не перестает быть сам для себя загадкой, которую вновь и вновь ставит перед собой каждый человек, каждое поколение. Вследствие того, что искусство есть мышление, имеющее одну и ту же великую и общечеловеческую тему, мысль человека о самом себе и своей природе, оно и становится делом важным, трудным, серьезным и ответственным. Оно становится служением, требующим от своего представителя самоотвержения, непрерывных жертвоприношений, сока нервов и крови сердца. Великое служение есть и великое страдание. Потому, между прочим, так справедливы эти слова Л. Н. Толстого: «Деятельность научная и художественная в ее настоящем смысле только тогда плодотворна, когда она не знает прав, а знает одни обязанности. Только потому, что она всегда такова, что ее свойство быть таковою, и ценит человечество так высоко ее деятельность. Если люди действительно призваны к служению другим духовной работой, они в этой работе будут видеть только обязанности и с трудом, лишениями и самоотвержением будут исполнять их. Мыслитель и художник никогда не будет сидеть спокойно на олимпийских высотах, как мы привыкли воображать. Мыслитель и художник должны страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение»⁶

⁶ Неточная цитата из «Так что же нам делать» (1884). См.: *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.*: В 90 т. Т. 25. С. 373.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.